

Л.А. Феоктистова

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. ДИАЛ. ТЮХА (ДА) МАТЮХА (-ПАНТЮХА) ДА КОЛУПАЙ С БРАТОМ И ПОД.

Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ ("Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным"), поддержанного Минобрнауки РФ.

Анализ севернорусских данных на общерусском фоне позволяет внести коррективы в предложенные ранее другими исследователями этимологии парных слов *тюха-матюха* и *тюха-пантюха*. Осуществляется мотивационная реконструкция других лексем в составе фразеологизмов с этими парными словами, в том числе их «субститутов» (*ванька с манькой; прошка, ерошка* и др.). Результаты этимолого-мотивационного анализа демонстрируют возможность онимизации апеллятива при паронимической аттракции к личному имени.

Ключевые слова: русская диалектная фразеология; личное имя; апеллятивизация; редупликация; парные слова; этимология.

Вводные замечания

Сотрудниками Топонимической экспедиции (ТЭ) Уральского университета во время полевых работ на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей было неоднократно зафиксировано устойчивое выражение *тюха (да) матюха (пантюха) (да колупай с братом)*. Этот фразеологизм известен и на других территориях (причем как западнее, так и восточнее обследованной сотрудниками ТЭ) и, соответственно, по другим (словарным) источникам (сводные данные представлены в статье [1]).

В вологодских говорах отмечено *тюха-матюха* 'нерасторопный, неуклюжий, неумелый человек' («Тюха – который медленно всё делает, и не получается у него ничего. Тюха-матюха, говорят»; «Тюха – ленивый это человек, неповоротливый, вот такой он тюха-матюха!») [2], 'о неповоротливой, медлительной женщине' («Тюха-матюха она, ходит, как спит, да и дома ничего не успевает сделать») [3. Вып. 11. С. 88]; 'ленивый человек, плохой работник'; 'необщительный, замкнутый, нелюдимый человек' («Тихоня если, всегда сам по себе, замкнутый да нелюдимый, так и говорят: "Тюха-матюха он, что взять!"») [2]. Эти парные слова, по-видимому, можно рассматривать в качестве исходного варианта фразеологизма: ср. смол. *тюха-матюха* 'нерасторопный, неповоротливый человек' [4. Вып. 10. С. 221]; пск. *тюху-матюху наплести* 'наговорить ерунды, рассказать много небылиц' [5. С. 75].

Семантика парного сочетания *тюха-матюха* под влиянием его редупликативной структуры развивается и в сторону увеличения числа обозначаемых: не один человек, а два и более – см. *тюха-матюха* костр. 'о людях немощных, неумелых, при этом ходящих (живущих) вместе' («Оне тюха-матюха, неповоротные, два сапога пара») [6]. Это, в свою очередь, ведет к изменению лексического состава фразеологизма и синтаксических связей внутри него: ср. *тюха да матюха* арх., костр. 'о населении: старые, больные люди, инвалиды и т.п.' («Никого уж нет в Юмже, тюха да матюха остались» (арх.)) [2, 6]; влг. 'разношерстная компания, сброд' («У нас тутюка всякие собра-

лись, кто откуда, тюха да матюха») [2]; арх. *тюха да матюха, да колупай с братом* 'о группе собравшихся из разных мест людей: смешанном (из коренных и приезжих) населении деревни, разношерстной компании и т.п.' [2].

Лексическому варьированию подвергается, как правило, второй член биннома: *тюха-пантюха* влг. 'тихоня, нерешительный человек', 'лентяй, бездельник' («Тюхи-пантюхи опять сошлись – мужики ленивые, собираются часто, то вино пьют, то спорят») [Там же]; *тюха да пантюха* влг. 'о людях с разными физическими недостатками, приехавших из разных мест; всякий сброд', 'о болтливых людях' («Тюха да пантюха вместе сошлись») [Там же], костр. 'всякий сброд' [6]; *тюха да пантюха (с пантюхой) да колупай (колубай) с братом* влг. 'о собравшихся разговорчивых, болтливых людях; шумной, веселой компании', 'смешанное население; всякий сброд' [2]. В костромских говорах отмечается *матюха да пантюха* 'о бестолковых, ленивых людях, сброде' [6], возникшее в результате контаминации *тюха да матюха* и *тюха да пантюха*; ср. ср.-обск. *фетюха-пантюха* 'темный, забитый человек' [7. Вып. 25. С. 200] с заменой первого компонента двухчлена.

Возможна замена всего биннома в первой части устойчивого сочетания – *тюха да матюха (пантюха)* – другими парными словами (именами): см. костр. *шоша да матюша да колупай с братом* 'всякий сброд; о собравшихся или ходящих вместе, не пользующихся уважением людях (глупых, неумелых или ленивых, пьяницах, попрошайках и т.п.)' [6] при наличии влг. *шбша да матбша* 'то же' [2], *шбша-мотбша* 'о случайно собравшихся, ничтожных, незначительных людях' («К нашей-то суседке по ночам всякая шоша-мотоша ходит, спать не дает») [3. Вып. 12. С. 102]. Этот вариант фразеологизма можно поставить в один ряд с омск. *ванька с манькой да колупай с братом* 'о неуважаемых, никчемных людях' [8. Т. 1/1. С. 117; 9. С. 22]; ленингр. *прошка, ерошка да колупай с братом* 'о малочисленности' («А у нас кто (в деревне)? Прошка, ерошка да колупай с братом») [7. Вып. 33. С. 50].

Структурные модели, семантика и степень «приальности» дериватов личных имен (или омонимичных им апеллятивов) в составе приведенных выше устойчивых выражений были нами рассмотрены в упоминавшейся выше публикации [1]. В настоящей статье речь пойдет об этимологии и мотивации рифмующихся друг с другом лексем, прежде всего тех, которые функционируют в том числе и на территории Русского Севера: *тюха (да) матюха, тюха (да) пантюха* и под. Анализ севернорусских данных на общерусском фоне позволяет внести коррективы в предложенные ранее другими исследователями этимологии *тюха (да) матюха, тюха (да) пантюха*. Что касается костр. *шоша да матоша*, то, насколько нам известно, оно ранее не рассматривалось, но и мы оставляем его за рамками нашего анализа, поскольку данное рифмованное сочетание входит в состав отдельного лексико-фразеологического гнезда, требующего отдельного изучения¹.

Основные компоненты парного сочетания: *тюха, -матюха, пантюха*

тюха

Вне рассматриваемых устойчивых сочетаний слово *тюха* засвидетельствовано также в брянских и среднеобских говорах со значением ‘о бестолковом, глуповатом, несообразительном человеке’ («Каждый тюха живет для брюха»; «С виду казался он туюхой, но умел ободрать каждого, как липку» [7. Вып. 46. С. 47]; см. также «растяпа, разиня» с пометой «просторечное» [Там же]. В тех же брянских говорах, а также смоленских отмечен глагол *тюхать* ‘медленно, не торопясь идти, ехать’ [Там же. С. 48], от которого и образовано имя. В данном случае можно предполагать развитие семантики глупости непосредственно от значения производящей основы в соответствии с метафорическим осмыслением интеллектуальной деятельности как движения в пространстве (о «пространственно-динамическом коде» в обозначениях ментальных действий см. [11. С. 173–195]). Ср. примеры Т.В. Леонтьевой: ср.-урал. *доходить* (до чего) ‘понимать’, *догнать* (что) ‘понять’, арх. *догонить* ‘понять, догадаться’, жарг. *доезжать* ‘понимать, догадываться, додумываться’ и др. [Там же. С. 185].

В то же время допустима оценка умственных способностей человека по его внешнему виду и двигательной активности: ‘упитанный, толстый’ и, как следствие, ‘неповоротливый и нерасторопный’, далее ‘глупый’. Ср. приводимые Е.О. Борисовой примеры обратной семантической модели «глупый → медлительный»: перм. *ваня задний* ‘отстающий, медлительный’, свердл. *ваньжа (ваньжэ)* ‘простофиля’ и *ваньжа* ‘медлительный, небойкий, нерасторопный, тихий’², яросл., сарат. *простофиля* ‘неповоротливый, нерасторопный человек’ [13. С. 145, 147–148]. Совмещение «ментального» и «динамического» значений можно наблюдать у других дериватов корня *тюх-*: свердл., новг. и др. *тюхтя* ‘о неповоротливом, неуклюжем, медлительном человеке’ и ‘о бестолковом, несообразительном, глуповатом человеке’; *тюхтяй* свердл. ‘о неуклюжем, медлительном, неповоротли-

вом человеке’ и морд. рус. ‘о бестолковом, глуповатом человеке’ [7. Вып. 46. С. 50].

Отглагольное происхождение для лексемы *тюха* в составе пермских идиом *тюха да матюха* ‘о малоуважаемых’ и *тюха, пантюха да колупай с братом* ‘разный сброд, недостойные люди’ предполагают И.А. Подюков и Е.Н. Свалова [14. С. 41, 49]. Авторы соотносят *тюха* с перм. *тюхать* ‘медленно идти’, однако представленные выше лингвогеографические данные скорее свидетельствуют о проникновении в пермские говоры наряду с существительным *тюха* – уже в составе парного сочетания – и его производящей основы. Указывается также на аттракцию отглагольного деривата к уменьшительной форме личного имени, ср. сибирское *Тюха* – от имени *Христина* [Там же].

И.В. Родионова [15. С. 164] ранее сопоставляла *тюха* в сочетании *тюха-пантюха* с другими личными именами – *Артамон, Артемий, Матрона*, которые приводятся в словаре Н.А. Петровского в качестве исходных для *Тюша* (форма *Тюха* здесь отсутствует) [16. С. 359]. Ср. между тем перечень женских и мужских имен, исходных для *Тюха*, в «Словаре народных форм русских имен» А.В. Суперанской: *Тюха* < *Автюха* < *Автоном*; *Артюха* < *Артём*; *Астюха* < *Астерий* / *Астий* / *Астион*; *Атюха* < *Атт* / *Аттий* / *Аттик*; *Евстюха* < *Евстафий* / *Евстигней*; *Евтюха* < *Евтихий*; *Матюха* < *Матвей*; *Устюха* < *Устин* / *Устина*; *Христюха* < *Христина* [17. С. 319]. Выбрать какое-то одно имя из этого списка довольно затруднительно (в этом смысле как раз показательным то, что разными исследователями приводятся разные имена или несколько имен сразу), хотя очевидно, что это должно быть какое-то частотное имя.

Сближению с уменьшительной формой какого-то частотного личного имени способствуют контекстные партнеры *тюха*, в функции которых выступают другие деантропонимы или омонимичные гипокористикам апеллятивы – *матюха, пантюха* и др. (см. о них далее).

матюха

В отличие от *тюха*, лексема *матюха* вне парного сочетания *тюха-матюха* и под. не засвидетельствована. И.А. Подюков и Е.Н. Свалова объясняют это слово как производное от глагола *матухаться* ‘мешкать в работе’ (ср. новг. *матуситься* ‘медленно, нехотя делать что-либо; ходить, бродить, то берясь за работу, то ее бросая’ [7. Вып. 18. С. 38]) при аттракции к уменьшительной форме личного имени *Матюха* (от *Матвей*) [14. С. 41, 49]. Однако не исключено, что второй компонент рифмованного сочетания, как говорилось выше, может непосредственно восходить к уменьшительной форме этого имени, который подвергся аттракции не к глаголу *матухаться*, а к существительному *тюха*.

В качестве альтернативы (и / или дополнения) к изложенным версиям происхождения – *матюха* можно предложить еще одну. Двучлен *тюха-матюха* напоминает примеры неточной «правой» мредупликации (эхо-редупликации) типа *шашильк-машлык, зелень-мелень*. Однако сразу следует огово-

ряться, что этот вид редупликации характерен прежде всего для этнолектов русского языка в юго-восточных регионах бывшего СССР (Башкирия, Кавказ, Закавказье и Средняя Азия), а также для сниженного регистра разговорной речи, куда проник не раньше 1920-х гг. [см.: 18. С. 58–69]. В числе существующих в русском языке морфонологических ограничений при м-редупликации Ф.Р. Минлос упоминает начальное сочетание мягкого согласного и гласного заднего ряда («видимо, в копии не допускается сочетание [м'] с заднерядными гласными» [Там же. С. 59]). В случае с *матюха* могла произойти не замена начального согласного основы (ибо она в силу указанных причин невозможна), а неточное ее копирование при помощи приставки *ма-* (*мо-*, *му-*).

Данная приставка, как известно, относится к числу архаичных и малопродуктивна (ее продуктивность даже меньше, чем других праславянских префиксов) [см. о ней: 19. С. 100 (здесь же литература), 381–383]. В то же время воспроизводимость модели «архаичный префикс + основа» обуславливает присутствие образованных по этой модели лексем не только на праславянском уровне, но и в отдельных славянских языках периода их самостоятельного развития [Там же. С. 381]. Ср. примеры, приводимые в числе прочих И.П. Петлевой: карел. рус. *ма-тёпа* ‘неповоротливый, медлительный человек’ – ср. близкое по значению *тёпа*³; влг. *ма-жора* ‘человек, который обладает плохим аппетитом, мало ест’ – ср. диал. *жора* ‘прожора, обжора’ [20. С. 33]. Автор отмечает экспрессивный, с пейоративным оттенком характер подобных дериватов. М. Белетич со ссылкой на работы Б. Я. Шарифуллина [21. С.115–116; 22. С. 115] выделяет два основных типа словообразовательного значения архаичных экспрессивных префиксов: 1) отрицание в общем смысле и экспрессивное отрицание (пренебрежение, презрение, негативная оценка и пр.); 2) утверждение в общем смысле и экспрессивное утверждение (позитивная оценка, гиперболизация и пр.) [19. С. 379–380, 390–391] (влг. *мажора* и морд. *матёпа* репрезентируют как раз первый тип значения: отрицание в общем смысле и экспрессивное отрицание соответственно).

В связи с рассматриваемой для *тюха-матюха* возможностью «*ма-*редупликации» заслуживает внимания смол. *тюх да матюх* ‘об очень медлительных действиях кого-либо’, помещенное в статье на глагольное междометие *тюх* р. Урал, смол. ‘употребляется по знач. гл. *тюхать*’ («А мы потихоньку себе тюхаем, тюх да тюх») [7. Вып. 46. С. 47]. В качестве семантико-словообразовательной параллели к *тюха-матюха* следует учитывать *тяпало-мотяпало* ‘о медлительном, неповоротливом человеке’ (одна фиксация в Виноградовском р-не Архангельской обл.) [2], при наличии в речи того же диалектоносителя, от которого записано данное парное сочетание, синонима – одиночной лексики *тяпало* (см. также *тяпало* ‘болтун’ в Устьянском р-не Архангельской обл. [Там же]), от арх. *тяпать* ‘идти’ (Устьянский р-н Архангельской обл.) [Там же].

Ф.Р. Минлос указывает на возможность контаминации при создании копии двух лексем – видоизме-

ненной основы и реально существующего слова – как приеме языковой игры, создающем эффект снижения [18. С. 55–56; со ссылкой на: 23. С. 168]. Лексема *-матюха* в составе сочетания *тюха-матюха* может быть результатом контаминации приставочного деривата *ма-тюха* и омонимичной ему гипокористике. Эмоционально-оценочное, пейоративное значение префикса в данном случае сочетается с другими средствами создания экспрессивности парных сочетаний, к которым также следует отнести саму редулицированную структуру фразеологизма и рифмовку составляющих его компонентов [18. С. 63–69; 24. С. 133–139].

пантюха

Слово *пантюха*, как и *тюха*, известно и вне «бинома» *тюха-пантюха*, широко распространено и многозначно, но при этом все его значения относятся к человеку и, характеризуя его с разных сторон, дополняют друг друга. См.:

– о внешнем виде человека: арх. *пантю́х*, арх., мурм. *пантюха* ‘неопрятный человек, неряха’ [25. Вып. 4. С. 390], *пантюха* ‘тот, кто ходит неаккуратно одетым’ [26. С. 34–35]; см. также орл. *пантюшка* ‘плохо одетый человек, оборванец’ [7. Вып. 25. С. 200];

– интеллектуальных способностях и / или степени образованности: ср.-урал. *пантюха* ‘глупый человек’ [27. С. 442]; арх. *пантюха* ‘легкомысленный, беспечный человек’ [25. Вып. 4. С. 390]; *пантюха* ‘необразованный, неразвитый, темный человек’ [2];

– чертах характера: мурм. *пантюха* ‘необщительный, замкнутый человек, домосед’ («Это уж какой-то пантюха, неразворотлив, сидун, он больше пути-дороги не знает») [25. Вып. 4. С. 390]; перм. *пантюха* ‘тихоня, нерешительный человек’ [28. Т. 2. С. 167].

Зачастую семантика диалектного слова вбирает в себя сразу несколько, коррелирующих друг с другом характеристик: *пантю́х* смол., влад. ‘о неуклюжем, нерасторопном, глуповатом человеке’ [7. Вып. 25. С. 200], ср.-урал. ‘неловкий, нерешительный, несмелый человек’ [27. С. 391]; *пантюха* ср.-урал. ‘неповоротливый, несообразительный человек’ [29. Т. 3. С. 112], новосиб., бурят. рус. ‘глуповатый, медлительный и невежливый человек’ («Вон в этой избе живет пантюха такой, неграмотный»; «Не взамужем, девки, нет? Ну и не ходите, мужики каки-то пошли пантюхи») [8. Т. 3. С. 172]); курган., кемер. новосиб., амур. ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ («Муж пантюха такой, не работной человек, не добиться нигде ничего, у него в руках ничего не держится»; «А пантюха и чечас пантюха, значит, ни с чем пирожок, беспонятный») [7. Вып. 25. С. 200].

И.А. Подюков и Е.Н. Свалова, ставя *пантюха* в один ряд с *тюха* и *матюха*, которые, напомним, рассматриваются ими как отглагольные существительные, возводят данное слово к глаголу *пантюхать* ‘медленно передвигаться’ при аттракции к личному имени (какому, правда, не уточняется) [14. С. 41, 49]. В то же время Ж.Ж. Варбот включает лексему *пантюха* в одно морфо-семантическое поле со словом *пантюх* [30. С. 343–344, 338]. Для варианта слова с

корневым *e – пентюх* – также не исключена возможность вторичной паронимической аттракции с именем *Пантелеймон* (ее просторечной формы – *Пентелеймон*, распространенной преимущественно в низших социальных слоях) [подробнее см.: Там же. С. 568; со ссылкой на других исследователей: А.И. Соболевского, В.И. Чернышева, В.В. Виноградова].

В связи с вариантом *пантюх*, по мнению Ж.Ж. Варбот, заслуживает внимания вят. *пантá* ‘о бестолковым, беспамятном человеке’ [7. Вып. 25. С. 199], с учетом которого *пантюх* толкуется как производное с суффиксом *-(‘)ух*, вытеснившее производящую основу вследствие своей большей выразительности и – добавим уже от себя – аттракции к уменьшительной форме личного имени. Для *пантá* вероятна производность от ульян. *пантáть* ‘ходить с трудом после болезни’, являющегося полонизмом: ср. польск. *pętać* ‘связывать, спутывать, стреножить (лошадь)’ [30. С. 570].

Существенно, как отмечает Ж.Ж. Варбот, что одно из вторичных значений глагола *pętać* в языке-источнике – ‘нищенствовать’ [31. Т. IV. S. 131], которое также могло отразиться в семантике русских производных (ср., в частности, выше *пантюшка* ‘плохо одетый человек, оборванец’). От глагола в этом втором значении образовано *pętak* ‘нищий, жулик’ [Ibid.] – еще один потенциальный источник *пантюх* / *пентюх*. Версия параллельного заимствования глагола и преобразования производного от него имени (при аттракции к *пень*) поддерживается вост.-словац. *pentá’sa* ‘сходить с ума’, ‘безумствовать’ и *pentúch* ‘низенький толстяк’ [32. Т. II. S. 772, 773] (подробнее см. [30. С. 568]; здесь же приводятся и другие инославянские параллели).

Этимология *пантюх(a)* / *пентюх*, предложенная Ж.Ж. Варбот, не вызывает возражений ни со стороны формы, ни со стороны содержания; правда, несколько смущает узкая география слова *пантá*, которая может объясняться не только его плохой сохранностью, но и тем, что оно могло быть просто не зафиксировано собирателями на другой территории. С учетом этого, на наш взгляд, особую ценность приобретает лексема *пантá* («прозвище»), обнаруженная нами в картотеке «Словаря говоров Русского Севера»: «Ах ты глупая панта, всё врешь и врешь»; «Панта прозывают когнибудь. У нас была Орина панта. Бабка у ней была панта. У бабки бака тоже панта» (Шенкурский р-н Архангельской обл.) [2].

Включение лексемы *пантюха* в устойчивое сочетание с *тюха(-матюха)*, по-видимому, также объясняется притяжением к созвучному антропониму; возникшие же на его основе костр. *матюха-пантюха* и ср.-обск. *фетюха-пантюха* (см. выше) еще более соответствуют образцам неточной редупликации, демонстрируя возможность удвоения основы как справа от нее, так и слева.

Подводя итог сказанному выше об этимологии лексем в составе парных сочетаний *тюха-матюха* (-*матюха*) и под., отметим, что, на наш взгляд, предпочтительнее рассматривать их следующим образом: *тюха* – омонимичный уменьшительной форме личного имени (имен) апеллатив; *-матюха* – возможно,

апеллатив, образованный от *тюха* посредством редупликации с помощью приставки *ма-*, или же личное имя (уменьшит. от *Матвей*), рифмующееся с *тюха*; *пантюха* – полонизм, адаптации которого на русской почве способствовала его омонимичность русскому личному имени и которое образовало парное сочетание с *тюха* в рамках одной с *тюха-матюха* модели. Онимизации апеллативов в составе *тюха (да) матюха (пантюха)*, возможно, способствует семантика фразеологизмов (их денотативная отнесенность к человеку), а также наличие других устойчивых выражений со сходным значением, имеющих в своем составе семантические дериваты личных имен. Ср., к примеру: арх., бурят. рус., забайк. *фомка и ерёмка* ‘о случайно собравшихся людях, которые берутся что-либо делать сообща, но делают неумело’ [2; 8. Т. 5. С. 194; 9. С. 208]; перм. *шиша да агашиа, третья – палашиа* ‘малопочитаемые люди’ [28. Т. 2. С. 554].

**«Удвоение» парного сочетания:
*тюха да матюха (пантюха),
да колупай с братом и др.***

Заслуживают внимания и лексемы *колупай*, *ковыряй* и *воронай* в составе второго двучлена созданного посредством неточной редупликации фразеологизма; последние две – *ковыряй* и *воронай* – фиксируются только в пермских говорах: *тюха да матюха да воронай (ковыряй, колупай) с братом* ‘о случайном сборище малоуважаемых людей’ [5. С. 677]. В одном ряду с этими лексемами находится и слово *брат*, указывающее, вероятно, не на кровное родство, а на сходство обозначаемых фразеологизмом людей: ср. прост. *ваи (наш, свой) брат* ‘человек, похожий, близкий по социальному положению, мировоззрению и т.п.; подобный’ [33. Т. 3. С. 610].

Лексемы *воронай* и *колупай* засвидетельствованы в качестве древнерусских имен – см. в словаре Н.М. Тупикова *Воронай, Колупай* [34. С. 96, 191], – впоследствии прозвищ, легших в основу фамилий. Ср. в словаре «К истокам пермских фамилий» Е.Н. Поляковой [35. С. 54, 109, 110]: *Воронаев* – от прозвища *Воронай*, восходящего к *ворон* ‘налет, набег; грабеж, разбой’ [36. Т. 1. С. 245; с пометой «старое»], т.е. «налетчик, грабитель»; *Колупаев* – от прозвища *Колупай (Колупай)*, из слова *колупай* ‘нерасторопный, медлительный человек’ [Там же. С. 200] (см. также *Колупай* в [37. С. 193]). Других свидетельств лексемы *ковыряй*, кроме как в составе рассматриваемого фразеологизма, нами не обнаружено – она могла быть образована по аналогии с отглагольным существительным *колупай*, от *ковырять*, обозначающего то же, что *колупать*, действие.

Учитывая частотность и географию фиксаций, апеллатив *колупай* ‘нерасторопный, медлительный человек’ следует признать основным компонентом второго двучлена фразеологизма (арх., влг., костр., ленингр., ниж.-печор., омск.). Данная лексема выступает синонимом к *тюха* и *пантюха*; в этом отношении примечательно ниж.-печор. *тюха-пантюха да иван-колупай* ‘говорится о ленивых и неумелых людях’ [38. Т. 2. С. 339–340] как сочетание двух «парных

слов» – личного имени (или – в случае с *тюха* – его омонима) и оценочно-характеризующего слова.

В нижнепечорских говорах записан еще один вариант фразеологизма с парным сочетанием *тюха-пантюха* – *тюха-пантюха (да иван)* – *ржаной сноп* [38. Т. 2. С. 339–340]. Основания для метафорического уподобления человека снопу вполне очевидны, вместе с тем, возможно, не случайно сравнение именно со снопом (а не с каким-либо другим объемным и неподвижным предметом), и именно *ивана*. Ср. в географически близких вологодских говорах *иванушка, ванька* – наименования последнего снопа из овса в дожинальном обряде [39. Т. 1. С. 21; Т. 4. С. 297], *последний ванька пришел* ‘о дожинальном снопе, который украшают лентами и вносят в избу’ [2], которые на синхронном уровне являются примерами обратного действия той же метафорической модели, с использованием одного и того же личного имени⁴. Употребление эпитета *ржаной* продиктовано скорее всего особенностями ритмической организации фразеологизма (соразмерностью его левой и правой частей). В то же время значима коннотативная окрашенность прилагательного, которая обусловлена реальными свойствами ржи, ее культурной символикой и которая сообщает номинации *ржаной сноп* дополнительную уничижительную оценку. Ср., в частности, смол. *пашанишний / ржаной* ‘высокий / низкий (о женском голосе)’, влг. *пшеничная / ржаная песня* ‘песня, в которой имеются / отсутствуют обценные слова и сексуальная тематика’ [см: 41. С. 343–344; здесь же другие примеры].

Экспрессивное варьирование имен: *X + Y да колунай с братом*

Аттракция к личному имени и экспрессивное варьирование имен обуславливают появление и омск. *ванька с манькой да колунай с братом* ‘о неуважаемых, никчемных людях’ [8. Т. 1/1. С. 117; 9. С. 22]; ленингр. *прошка, ерошка да колунай с братом* ‘о малочисленности’ («А у нас кто (в деревне)? Прошка, ерошка да колунай с братом») [7. Вып. 33. С. 50].

Употребление сочетания *ванька с манькой* в составе фразеологизма *X + Y да колунай с братом* скорее объясняется «растиражированностью» этого бинома во вторичной апеллативной номинации (см., в частности, широко распространенные в говорах наименования различных травянистых растений *иван-да-марья* и под.). Ср., к примеру, пск. *ваньку валять* ‘бездельничать’ [42. Т. 3. С. 32]; омск., краснор. *ванька (рыжий) не чешись* о безразличном отношении к чему-либо: всё равно, горя мало, ничего не поделаешь’ [8. Т. 1/1. С. 117; 9. С. 22]; ниж.-печор., новосиб., омск. *маша не чешись и вана не царапайся* ‘не к чему придираться, все сделано отлично’ [8. Т. 2. С. 268] (помету «омск.» имеет и рассматриваемый фразеологизм *ванька с манькой да колунай с братом*).

Слово *ерошка* также известно вне фразеологизма, в значении – ‘упрямец, склочник’, – однако, в отличие от *ванька* и *манька*, допускается его производность как от уменьшительной формы личного имени – *Еро-*

фей (через *еропа* ‘хвастун’), – так и от апеллатива – *ёриш* либо производный от него глагол *ерошить* [43. Т. 1. С. 26; 44. Т. 1. С. 286]. См. также хакас., тюмен. *шоша да ероша* ‘неодобрительно о людях: всякий сброд’ («Разве смогут дело сделать, ведь там шоша да ероша»; «Собрались шоша да ероша, добрый человек туда и не суется») [9. С. 221; 10]. Что касается *прошка*, то его включение в состав парного сочетания объясняется прежде всего рифмой *прошка – ерошка*. В то же время оба этих имени – *прошка* (уменьшит. от *Прокофий*), *ерошка* – в составе номинации-характеристики (‘всякий сброд’) могут быть соотношены с созвучными им апеллативами:

прошка – пропасть, ср. общенар. *пропади ты пропадом!*⁵, т.е. *прошка* в данном случае скорее всего обозначает *пропащего* человека;

ерошка – ёриш, ерошить, еришистый, ерошливый и под.⁶ См., например, иллюстративный контекст к арх. *ероха, ероша* ‘задира, смутьян, скандалист’: «*Ёра* – это очень задиристый человек, уж очень, сразу в драку вроде лезет, *ерошливый, ероша*, кто задира, кто *ероха* назовёт, тоже *еришистый* такой человек, ему всё не нравится. О, *ероха* ты, мы с тобой заскандалили, пьяницы между собой *заерошились*, смотришь – до драки дошло» [39. Т. 3. С. 328].

В структурную модель *X + Y да колунай с братом* встраивается и влг. *шбюша (да) мотбюша (матбюша)* ‘всякий сброд; о собравшихся или ходящих вместе, не пользующихся уважением людях (глупых, неумелых или ленивых, пьяницах, попрошайках и т.п.)’ [2; 3. Т. Вып. С. 102] – ср. с тем же значением костр. *шбюша да матбюша да колунай с братом* [6]. Данный пример здесь приводим только для иллюстрации «генеративных» возможностей рассматриваемой модели: варьирование рифмующихся друг с другом компонентов происходит как в рамках самой модели (см. выше), так и при контаминации с другими, функционирующими самостоятельно парными словами, независимо от их происхождения (от антропонима или от апеллатива). Для обоих компонентов парного сочетания *шбюша (да) мотбюша (матбюша)* формально возможна производность от уменьшительных форм личных имен: *Шюша < Софон, Софрон, Софья (София)*; *Матюша < Матой* [17. С. 354, 196]. Однако это, на наш взгляд, маловероятно с учетом возможности других толкований на более широком лексическом фоне, рассмотрение которого выходит за рамки настоящей публикации (в частности, не исключена редупликация при звуко-символической мотивированности *шоша*, ср. подобную трактовку для *шү-шер-а, шү-шерь, шү-шель* ‘сброд, сволочь’, *шй-шар-а* ‘то же’ [48. С. 226]).

Вместо заключения

В статье Е.С. Коган выделяются «четыре ступени вхождения словосочетания с использованием местного онима или отономастического образования в региональный фразеонимикон» [49. С. 123]:

1) имеющие переносное значение словосочетания прозрачной образной мотивировкой, легко прочитываемой каждым членом локального социума, –

например, костр. *нарядиться как Анисья Климовская* ‘о безвкусно, неряшливо одетом человеке’;

2) словосочетания, в которых оним выполняет своеобразную функцию придания местного колорита общенародному фразеологизму, – костр. *желнинский телёнок* ‘о кричащем человеке’;

3) фразеологизмы, включающие оним (обычно антропоним) в обобщенном значении, – костр. *Маши с Яшей* ‘о неразлучно ходящих людях’; в отдельных случаях фразеологизмы этого типа могли возникнуть на материале выражений первого типа – костр. *как Мамай с Пестимией* ‘о неразлучных людях’: «Как Мамай с Пестимией – это супружеская пара или друзья близкие. А Мамай и Пестимия – это супруги были такие, пара очень верная, но не очень умная»;

4) утратившие мотивацию идиомы – новосиб. *бучиться как тус колыванский в шабуре* ‘быть угрюмым, сердитым, нелюдимым, замкнутым’ (*Колывань* – пгт в Новосибирской обл.).

Эта классификация основана главным образом на представлении о постепенной деонимизации (апеллятивизации) «вплощенного» собственного имени (антропонима, топонима) и переходе его в разряд имен нарицательных на стадии создания и/или последующего функционирования устойчивых выражений. Однако результаты этимолого-мотивационного анализа лексем в составе рифмованных сочетаний *тюха* (*да матюха* (*пантюха*)) и созданных на их сочетаний фразеологизмов демонстрируют возможность обратного процесса – (квази)онимизации апеллятива при паронимической аттракции к имени собственному (по-видимому, речь может идти только о «невоплощенных» личных именах и их уменьшительных формах). Следует также иметь в виду, что оба этих явления – онимизация и деонимизация – могут иметь место еще до включения языковых единиц в состав фразеологизма (*пантюха, ванька с манькой, ерошка*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лексема *шюша* образует рифмованные сочетания с разными словами и различным типом синтаксической связи, функционирующие сами по себе и в составе фразеологизмов, лексический состав которых также подвергается варьированию. См. также арх. *шоша да моша* ‘о плохих людях’ [2]; костр. *шюша-барабоша* ‘всякий сброд’ («Шюша-барабоша – собрались людёшки неважные, бездомовики, ни дома ни лома, шоша да матюша»; «Собрались шоша-барабоша, не работают ничего»); *шоша с барабошей* ‘о неразлучных людях’ («Куда же мы с тобой друг без друга: шоша с барабошей. Это как два свясла») [6]; влг. *насобирать сошу да барабошу* ‘пригласить в гости многих людей, без разбору’ («У меня (так. – Л.Ф.) внука на праздник в дом насобирала сошу да барабошу») [3. Вып. 10. С. 93]; хакас., тюмен. *шюша да ероша* ‘всякий сброд’ («Разве смогут дело сделать, ведь там шоша да ероша») [10].

² Согласно А.К. Матвееву, *ваньзя* преобразовано из этнонима *манси* (с дистактной ассимиляцией *м...н > в...н* и озвончением *-н'с- > -н'с-*), его исходным значением могло быть ‘абориген Зауралья (= манси)’, откуда ‘неразвитый, глупый человек’ [см.: 12. Вып. 6. С. 55–56]. А.Е. Аникин отмечает, что для объяснения разных вариантов слова, в числе которых и *ваньжа*, приходится допускать контаминацию с именами *Ваньша, Ваньзя* (< *Ваня, Ванька*), на Урале также *Ваньца* [Там же].

³ И.П. Петлева приводит второе слово без ссылки на словарь, поэтому уточнить его значение не представляется возможным, ср., однако, арх. *тёна* ‘об умственно отсталом, недоразвитом человеке’, вят., свердл. и др. *тёпать* ‘идти, шлепать по грязи’ и пр. [7. Вып. 44. С. 43].

⁴ О различных, наслаивающихся друг на друга семантико-мотивационных интерпретациях этих терминов дожинальной обрядности см.: [40. С. 278–292].

⁵ Уменьшительная форма *прошка* встречается также в арх. *будь ты прошка* ‘бранное выражение: будь ты проклят’ («Белье вешать стала, зажимки забыла, тьфу, думаю, будь ты прошка!»); «Будь ты прошка, в магазин не ходил, хлеба-то нет»; «Будь ты прошка, негодяй, все цветы мне пообломал» «Бывало, сватья Фёкла говорила: “Будь ты прошка”, когда дома что неладно сделает. “Будь ты прошка, негодяй, все цветы мне пообломал”») [25. Вып. 1. С. 32; Вып. 5. С. 325]. Словарная дефиниция этого «злопожелания» составлена с учетом предполагаемой связи гипокористики с неличной формой глагола *проклять* (ср. *будь проклят*) Этой же точки зрения на происхождение имени в составе данного проклятия придерживаются Е.Л. Березович и О.Д. Сурикова [45. С. 101] (ср. приводимое авторами влг. *будь ты прокон!* [2]). Для имени *прошка* в составе устойчивого сочетания *прошка, ерошка да колупай с братом*, учитывая значение фразеологизма, предпочтительнее, на наш взгляд, аттракция к глаголу *пропасть*.

⁶ О функционировании однокоренных с *ероха, ерошка* лексем в составе одного морфо-семантического поля пишет А.Ф. Некрылова, обосновывая версию происхождения названия хмельного напитка *ерофеич* от хронима *Ерофеев день* [46; 47. С. 511–513]. «Святой Иерофей, став на русской почве Ерофеем, органично вписался в ряд следующих слов: *ёрить, ёрник, ёрничать; ерепенить(ся); ерихонить(ся), ерихонка; ерошитъ, ерошничать*. <...> В русском языке, прежде всего в лексике диалектной, разговорной, просторечной, имеется немало слов если не производных от *Ерофей-Ероха-Ерошка*, то чрезвычайно “родственных” по огласовке: *ерохвоститься, ероха, ерохи, ероховатый, ерошничать, ерофейничать, ерофениться* и т. п.» [46. С. 170].

ЛИТЕРАТУРА

1. Феоктистова Л.А. Еще раз о рус. диал. *тюха-матюха* (*тюха-пантюха*) // Науч. диалог. 2017. № 10. С. 98–110.
2. Картоотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
3. Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда : Русь, 1983–2007.
4. Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / под ред. А.И. Ивановой. Смоленск, 1974–2005.
5. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокшенко, Т.Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001.
6. Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
7. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
8. Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
9. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.
10. Картоотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
11. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург : Изд-во РГПСУ, 2008.
12. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
13. Борисова Е.О. Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте : дис. на соиск. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

14. К пиру едется, а к слову молвится: народная паремика Пермского края : сб. фольклорных текстов с коммент. и истолк. / авт.-сост.: И.А. Подюков, Е.Н. Свалова. СПб. : Маматов, 2014.
15. Родионова И.В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.
16. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М. : Русские словари; Астрель, 2000. 480 с.
17. Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
18. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
19. Бјелетић М. Исковрнути глаголи: типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Београд : Ин-т за српски јузик САНУ, 2006.
20. Петлева И.П. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования : материалы I–II науч. совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Вып. 6. Екатеринбург : [б. и.], 1996. С. 31–38.
21. Шарифуллин Б.Я. К постановке проблемы протоиндоевропейской префиксации: префиксальные модели и типы их значения // Вопросы словообразования в индоевропейских языках 3. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 113–121.
22. Шарифуллин Б.Я. Об особенностях экспрессивных аффиксов в словообразовательной системе языка. Экспрессивные префиксы // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск : Наука, 1982. С. 111–123.
23. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки славянской культуры, 2002. (Язык. Семиотика. Культура).
24. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.
25. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.
26. Воробьев Б.Д. От абалтуса до угляника, и кто такой «яд» : словарь синонимов, характеризующих человека в уральских говорах. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1999.
27. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. н-та, 1996.
28. Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002.
29. Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. Свердловск : Средне-Урал. книж. изд-во, 1964–1988.
30. Варбот 2011 Варбот Ж.Ж. Исследования по русской и славянской этимологии / Ж.Ж. Варбот. М. ; СПб. : Нестор-История, 2012.
31. Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. I–VIII. Warszawa : Państw. inst. wydawniczy, 1952–1953.
32. Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. T. I–. Bratislava : Veda, 1994–.
33. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
34. Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Языки славянской культуры, 2005. (История русской культуры : Исследования и источники).
35. Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь : Книжный мир, 2005.
36. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
37. Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 2001.
38. Ставшина Н.А. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. СПб. : Наука, 2008.
39. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
40. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
41. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
42. Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
43. Фасмер. М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
44. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Академия, 2002.
45. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.
46. Некрылова А.Ф. «На Ерофея один Ерофеич кровь греет» // Studia Ethnologica : тр. фак-та этнологии / под ред. А.К. Байбурина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2004. Вып. 2. С. 166–174.
47. Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб. : Азбука-классика, 2007.
48. Колева-Златева Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения / ed. K. Agyagási. Debrecen : Debreceni Egyetem, 2008. 356 p. (Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1).
49. Коган Е.С. Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 122–127.

Список принятых сокращений

амур. – амурские говоры русского языка
 арх. – архангельские говоры русского языка
 бурят. – бурятские говоры русского языка
 влад. – владимирские говоры русского языка
 влг. – вологодские говоры русского языка
 вост.-словац. – восточные говоры словацкого языка
 вят. – вятские говоры русского языка
 диал. – диалектное
 жарг. – жаргонное
 забайк. – забайкальские говоры русского языка
 кемер. – кемеровские говоры русского языка
 костр. – костромские говоры русского языка
 краснояр. – красноярские говоры русского языка
 курган. – курганские говоры русского языка
 ленингр. – ленинградские говоры русского языка
 морд. – говоры русского языка на территории Республики Мордовия
 мурм. – мурманские говоры русского языка

ниж.-печор. – нижнепечорские говоры русского языка
 новг. – новгородские говоры русского языка
 новосиб. – новосибирские говоры русского языка
 омск. – омские говоры русского языка
 орл. – орловские говоры русского языка
 перм. – пермские говоры русского языка
 польск. – польский язык
 прост. – просторечное
 пск. – псковские говоры русского языка
 сарат. – саратовские говоры русского языка
 свердл. – свердловские говоры русского языка
 смол. – смоленские говоры русского языка
 ср.-осбк. – среднеобские говоры русского языка
 ср.-урал. – среднеуральские говоры русского языка
 тюмен. – тюменские говоры русского языка
 ульян. – ульяновские говоры русского языка
 хакас. – хакаские говоры русского языка
 яросл. – ярославские говоры русского языка

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 июня 2018 г.

ON THE ETYMOLOGY OF RUSSIAN DIALECTAL *TYUKHA (DA) MATYUKHA, TYUKHA (DA) PANTYUKHA (DA KOLUPAYS BRATOM) AND OTHERS*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 61–69.

DOI: 10.17223/15617793/434/7

Lyubov A. Feoktistova, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: l.a.feoktistova@urfu.ru

Keywords: Russian dialect phraseology; personal name; appellativisation; reduplication; pair words; etymology.

The article refers to an etymological and motivational analysis of some Russian dialect words, which are included in rhymed word combinations and idioms created on their basis: *tyukha (da) matyukha*, *tyukha (da) pantyukha (da kolupay s bratom)* and others. I.A. Podukov and E.N. Svalova bring *tyukha* in correlation with *tyukhat'* [to go slowly] (Perm region), but lingvo-geographical data are evidence of the fact that the basic stem came in the Perm dialects with the noun *tyukha*, together with the pair combination. The attraction of the stem *tyukha* to a homonymous diminutive form of a personal name (from Artyukha < Artyom; Evstyukha < Evstafiy/Evstigney; Matyukha < Matvey; Ustyukha < Ustin/Ustina, and so on) is possible, but not compulsory, and, most likely, takes place in combination with the lexemes *matyukha* and *pantyukha*, which are also homonymous with diminutive forms of personal names (or their derivatives). On the contrary, the version of verbal origins of the lexeme *matyukha*, rhymed with *tyukha*, is arguable (from *matyukhat'sya* [to loiter in work], Perm region). Perhaps, it is a common noun, formed from *tyukha* by means of reduplication and the prefix *ma-* (compare with *tyapalo-matyapalo*, Arkhangelsk region, when there is only *tyapalo*), or a personal name (diminutive from *Matvey*), rhymed with *tyukha*. Concerning the word *pantyukha*, correlating with popular and dialectal *pentyukh*, the author supports J. J. Varbot, who think of these words as Polonisms, the adaptation of which in the Russian language was favored by a homonymous personal name *Panteleymon (Penteleymon)*. Taking into account the word *pantá* (Vyatka region) [about a muddle-headed, forgetful person] (from *pantát'* [to walk with difficulty after an illness], linked with Polish *pętać* [to hobble (a horse)]), the lexeme *pantyukh* is interpreted as a derivative with the suffix *-(')ukh*, which replaced the stem due to its more pronounced expressiveness. The small size of the area of the word *pantá* can be explained not only by its poor preservation, but also by the fact that it could be overlooked on other territories. Thereby the Arkhangelsk lexeme *pantá* ("a nickname") from the Dictionary of the Dialects of the Russian North ("Akh ty glupaya panta, vsyo vryosh' i vryosh' ") is especially valuable. The verbal nouns *kolupay*, *kovyryay* and *voropay* from the second part of this combination, created by means of an inaccurate reduplication of the idiom, are also of interest. Taking into account their frequency and geography, the common noun *kolupay* [a sluggish, slow person] can be identified as the main component and the synonym to the words *tyukha* and *pantyukha*. In the same row with the lexemes *tyukha*, *matyukha*, *pantyukha*, *kolupay*, we see the word *brat* [brother], which attests not the consanguinity, but the similarity of the people whom the idiom refers to (compare with popular *vash (nash, svoy) brat* [your (our, one's) brother]). The attraction to a personal name and their expressive variations make for the appearance of other pair words (names) in the frames of the structural model *X + Y da kolupay s bratom*: *van'ka s man'koy* ("pure" derivatives from personal names), *proshka*, *eroshka shósha da matósha* (most likely, quasi-names, created by means of attraction to diminutive forms of the corresponding personal names).

REFERENCES

1. Feoktistova, L.A. (2017) Once More on Russian Dialect *tyukha-matyukha (tyukha-pantyukha)*. *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 98–110. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110
2. Card file of the *Dictionary of Dialects of the Russian North* (stored at the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University, Yekaterinburg). (In Russian).
3. Panikarovskay, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh gorovor: v 12 vyp.* [Dictionary of Vologda dialects: in 12 is.]. Vologda: Rus'.
4. Ivanova, A.I. (ed.) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh gorovor: v 11 vyp.* [The dictionary of Smolensk dialects: in 11 is.]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.
5. Mokienco, V.M. & Nikitina, T.G. (eds) (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov proverbs and sayings]. St. Petersburg: Norint.
6. Lexical card file of the Toponymic Expedition of the Ural University (stored at the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University, Yekaterinburg). (In Russian).
7. Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–cont.) *Slovar' russkikh narodnykh gorovor* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
8. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh gorovor Sibiri: v 5 t.* [Dictionary of Russian dialects of Siberia: in 5 vols]. Novosibirsk: Nauka.
9. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh gorovor Sibiri* [Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
10. Card file of the *Dictionary of Russian Folk Dialects* (stored at the Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg). (In Russian).
11. Leont'eva, T.V. (2008) *Intellekt cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Human intelligence in the Russian language picture of the world]. Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.
12. Anikin, A.E. (2007–cont.) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
13. Borisova, E.O. (2016) *Russkaya leksika so znacheniem bystroty i medlitel'nosti v semantiko-motivatsionnom aspekte* [Russian vocabulary with the meaning of speed and slowness in the semantic-motivational aspect]. Philology Cand. Dis. Ekaterinburg.
14. Podyukov, I.A. & Svalova, E.N. (eds) (2014) *K piru edetsya, a k slovu molvitsya: narodnaya paremika Permskogo kraja: sb. fol'klornykh tekstov s komment. i istolk.* [Folk paroemias of the Perm region: folklore texts with commentaries and interpretations]. St. Petersburg: Mamatov.
15. Rodionova, I.V. (2005) *Kharakterologicheskie nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniya v russkikh narodnykh gorovakh* [Characterological nominations of anthroponymic origin in Russian folk dialects]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (10). pp. 159–189.
16. Petrovskiy, N.A. (2000) *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow: Russkie slovari; Astrel'.
17. Superanskaya, A.V. (2010) *Slovar' narodnykh form russkikh imen* [Dictionary of folk forms of Russian names]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
18. Minlos, F.R. (2004) *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavjanskikh yazykakh* [Reduplication and pair words in East Slavic languages]. Philology Cand. Dis. Moscow.
19. Bjeletih, M. (2006) *Iskovrnuti glagoli: tipovi ekspresivnih preverbalnih formanata (na srpskom i khrvatskom jezichkom materijalu)* [Irreversible verbs: types of expressive verbal formanats (in Serbian and Croatian linguistic material)]. Belgrade: Institute for the Serbian Language SANU.
20. Petleva, I.P. (1996) [Archaic prefixes in Russian dialects]. *Etimologicheskie issledovaniya* [Etymological research]. Proceedings of the I–II Scientific Meetings on Russian Dialect Etymology. Yekaterinburg, 10–12 October 1991; 17–19 April 1996. Is. 6. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 31–38. (In Russian).
21. Sharifullin, B.Ya. (1979) *K postanovke problemy protoindoeuropeyskoy prefiksatsii: prefiksals'nye modeli i tipy ikh znacheniya* [On the formulation of the problem of proto-Indo-European prefixation: prefixal models and types of their meanings]. In: Shatrov, G.M. (ed.) *Voprosy slovoobrazovaniya v indoeuropeyskikh yazykakh* [Issues of word formation in Indo-European languages]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Sharifullin, B.Ya. (1982) *Ob osobennostyakh ekspressivnykh affiksov v slovoobrazovatel'noy sisteme yazyka. Ekspressivnye prefiksi* [On the peculiarities of expressive affixes in the word-formation system of a language. Expressive prefixes]. In: Fedorov, A.I. (ed.) *Leksika i frazeologiya russkikh gorovor Sibiri* [Vocabulary and phraseology of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

23. Sannikov, V.Z. (2002) *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [The Russian language in the mirror of the language game]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Matveeva, T.V. (2013) *Ekspressivnost' russkogo slova* [Expressiveness of the Russian word]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
25. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: v 6 vyp.* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas: in 6 is.]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
26. Vorob'ev, B.D. (1999) *Ot abaltusa do uglanchika, i kto takoy "yad": slovar' sinonimov, kharakterizuyushchikh cheloveka v ural'skikh govorakh* [From abaltus to uglanchik, and who is "yad": a dictionary of synonyms characterizing a person in the Ural dialects]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
27. Matveeva, A.K. (ed.) (1996) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Dopolneniya* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. Supplements]. Ekaterinburg: Ural State University.
28. Borisova, A.N. (ed.) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov: v 2 t.* [Dictionary of Perm dialects: in 2 vols]. Perm: Knizhnyy mir.
29. Vovchok, P.A. (ed.) (1964–1988) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: v 7 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 vols]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. knizh. izd-vo.
30. Varbot, Zh.Zh. (2012) *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
31. Karłowicz, J., Kryński, A. & Niedźwiedzki, W. (1952–1953) *Słownik języka polskiego* [Dictionary of the Polish language]. Vols I–VIII. Warsaw: Państw. inst. wydawniczy.
32. Ripka, I. (ed.) (1994) *Slovník slovenských nářečí* [Dictionary of Slovak dialects]. Bratislava: Veda.
33. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Moscow; Leningrad: Nauka.
34. Tupikov, N.M. (2005) *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of ancient Russian personal proper names]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
35. Polyakova, E.N. (2005) *Slovar' permskikh familiy* [Dictionary of Perm surnames]. Perm: Knizhnyy mir.
36. Dahl, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye.
37. Mosin, A.G. (2001) *Ural'skiy istoricheskiy onomastikon* [Ural historical onomasticon]. Ekaterinburg: Izd-vo "Ekaterinburg".
38. Stavshina, N.A. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: v 2 t.* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 vols]. St. Petersburg: Nauka.
39. Matveev, A.K. (ed.) (2001–cont.) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects the Russian North]. Ekaterinburg: Ural State University.
40. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethno-linguistic studies]. Moscow: Indrik.
41. Berezovich, E.L. (2014) *Russkaya leksika na obshcheslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary against the Pan-Slavic background: a semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.
42. Larin, B.B. et al. (1967–cont.) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Leningrad; St. Petersburg: St. Petersburg State University.
43. Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Translated from German. by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
44. Chernykh, P.Ya. (2002) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols]. Moscow: Akademiya.
45. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2018) Reconstructing the lexicon of imprecations: The category of actor and peculiarities of its textual implementation (with special reference to Russian dialectal vocabulary). *Voprosy yazykoznaneya*. 3. pp. 89–111. (In Russian). DOI: 10.7868/S0373658X18030042
46. Nekrylova, A.F. (2004) "Na Erofeya odin Erofeich krov' greet" ["On the Erofei day, only Erofeich warms blood"]. In: Bayburin, A.K. (ed.) *Studia Ethnologica: tr. fak-ta etnologii* [Studia Ethnologica: The Faculty of Ethnology Proceedings]. Is. 2. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, Vyp. 2. pp. 166–174.
47. Nekrylova, A.F. (2007) *Russkiy traditsionnyy kalendar' na kazhdyy den' i dlya kazhdogo doma* [Russian traditional calendar for every day and for every home]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
48. Koleva-Zlateva, Zh. (2008) *Slavyanskaya leksika zvukosimvolicheskogo proiskhozhdeniya* [Slavic vocabulary of sound-symbolic origin]. Debrecen: Debreceni Egyetem.
49. Kogan, E.S. (2014) Proper Names in Dialectal Idioms: Stages of Idiomaticization. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*. 1 (16). pp. 122–127. (In Russian).

Received: 04 June 2018